

Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: РОССПЭН, 2010. 374 с. (Люди России).

К. П. Победоносцев относится к числу тех фигур в истории России, которые вплоть до настоящего времени не только в общественном сознании, но и в исследовательском сообществе воспринимаются преимущественно метафорически. Процесс очеловечивания и исторической контекстуализации таких фигур протекает непросто. Затвердевшие стереотипы даже ныне, в ходе историографического переосмысления всего нашего прошлого, с большим трудом сдают свои позиции. Более того, многие из них в конце прошлого века, когда исторические изыскания, вроде бы, вышли из-под идеологического надзора, превратились в удобные объяснительные построения уже нового — постсоветского — схематизма 1990-х гг., основанного на упрощенном понимании конфликта либерального и консервативного культурных миров. В этом смысле работа А. Ю. Полунова о Победоносцеве может восприниматься как рубежная — завершающая долгий, растянувшийся на целое столетие, прошедшее после смерти бывшего обер-прокурора Синода, процесс его возвращения из мифа в историю. Автор фактически расколдовывает образ блоковского «колдуна», который заглянул в очи России «стеклянным взором» и очертил ее «дивным кругом». На страницах книги злой гений с «совиными крылами» превращается в своеобразную и трагически одинокую на фоне остальных представителей бюрократического олимпа Российской империи персону.

Вместе с тем А. Ю. Полунов предельно корректен в отношении предшественников. Во введении автор дотошно реконструирует процесс историографического расколдовывания Победоносцева, отмечая заслуги историков, писавших о нем, например Ю. В. Готье, П. А. Зайончковского, Л. Г. Захаровой, В. А. Твардовской и зарубежных русистов Г. Фриза и Дж. Бэзила. Одновременно исследователь отмечает и новую тенденцию в изображении Победоносцева — тенденцию, сводящуюся, по сути, к повторному заколдовыванию его, только теперь со знаком «плюс». Причем именно отмечает, не вступая в полемику, так как развернутым ответом попыткам подобной «реабилитации» Победоносцева является сама книга.

Структура монографии способствует воссозданию исчерпывающей картины жизнедеятельности героя исследования.

В первой главе А. Ю. Полунов рассматривает начальный этап биографии Победоносцева — от рождения и до кончины в 1865 г. его воспитанника — цесаревича Николая Александровича, наставником которого оказался будущий обер-прокурор. Обозначение столь значительного временного промежутка (тем более применительно к жизни конкретного человека — от появления на свет до чуть ли не сорокалетнего возраста) как цельного периода выглядит обоснованным и аргументированным. Автор наглядно показывает, что именно к этим — более чем зрелым в реалиях XIX в. — годам завершилось складывание взглядов и ценностных ориентиров Победоносцева. Казалось бы, должно удивлять столь

вопиющее несоответствие темпов становления личности молодого правоведа свойственной той эпохе скорости взросления (если под взрослением понимать именно оформление некоей жизненной позиции). Однако здесь следует разделять мировоззренческую зрелость и окончательное утверждение в избранной политической ориентации. Как личность Победоносцев сложился намного раньше, и подтверждением тому являются приводимые исследователем факты, свидетельствующие о высокой профессиональной подготовленности сенатского чиновника к адекватному восприятию политической повестки дня начала царствования Александра II. Можно даже сказать — и предьявляемый А. Ю. Полуновым фактический материал дает основание для такого вывода, — что либерализм Победоносцева того времени явился следствием не столько перемен в общественной атмосфере, сколько его собственного профессионального роста как юриста. Хотя, конечно, сама возможность оценки взглядов Победоносцева тех лет как либеральных является дискуссионной — во многом из-за чрезмерной смысловой перегруженности (особенно в отечественной истории!) понятия либерального. Автор убедительно доказывает, что накануне и в самом начале Великих реформ тяга к преобразованиям у Победоносцева сводилась исключительно к разного рода попыткам внутриведомственной оптимизации, но никак не к допуску общественности к тому, что составляло исключительно бюрократическую сферу компетенции. Аналогичный реформизм — именно как стремление сделать государственную жизнь более эффективной — был присущ многим консервативным мыслителям, встретившим воцарение Александра II уже сложившимися личностями. В этом смысле пример Победоносцева не был исключительным. Другое дело, что мотивы последующего отказа от реформизма оказывались для консерваторов разными. Думается, что решающую роль в развороте будущего обер-прокурора от желания, пускай даже сугубо институциональной оптимизации, к охранительству сыграли его приближенность к престолу и стремительно развивавшаяся с годами мизантропия, все более превращавшаяся из повседневно-бытовой поведенческой привычки в политическую максиму. А. Ю. Полунов подчеркивает значение «механизмов закулисного влияния» для складывания политической индивидуальности Победоносцева. Однако о факторе психологических особенностей его личности (о чем, между прочим, автор много пишет на протяжении всего исследования) в развороте от реформизма к консерватизму отдельно в книге не говорится.

Вторая глава посвящена анализу мировоззренческой позиции Победоносцева уже как сложившегося консервативного мыслителя. Вообще пореформенный консерватизм — феномен гораздо более сложный, многообразный, запутанный и неоднозначный, нежели современный ему либерализм. Причина морфологического различия между обоими конкурировавшими идеологическими системами, по-видимому, коренится в том, что либерализму именно как оппозиционной идеологии приходилось быть гораздо более заостренным и отточенным в доктринальном отношении и сильнее привязанным к конкретным организационно-деятельностным начинаниям, чем консерватизму. Вместе с тем практическая пассивность последнего вовсе не превращала его в нечто застывшее, заскорузлое, но, напротив, делала открытым для восприятия самых разных

близкородственных идейных влияний извне. В этом смысле исследовать консерватизм сложнее, чем либерализм. Но и возможностей для находок и новых интерпретаций у историка консерватизма гораздо больше — правда, непредвзятому взгляду подчас сильно мешает искус простых объяснений. Следует сказать, что А. Ю. Полунов не поддался искусу и представил максимально взвешенную и выверенную реконструкцию мировоззрения Победоносцева. Прежде всего чрезвычайно значим вывод автора об апелляции мыслителя к «простому народу» как результате его неприятия «бюрократического самодержавия», все дальше и дальше отходившего от укоренившихся в его сознании еще в детские и юношеские годы идеалов «правомерной монархии». Такой вывод свидетельствует о том, что при всем внешнем сходстве «народность» Победоносцева все-таки не являлась славянофильским заимствованием. Для славянофилов принципиальное значение имела культурная «чистота» народа, в значительно меньшей степени подвергшегося инокультурному перерождению, в отличие от аристократии. Для Победоносцева же противостояние проходило по линии «бюрократическое-небюрократическое (то есть народное)». Понятно, что разница здесь лишь в оттенках, ибо бюрократическое начало — всего-навсего одно из петровских западных заимствований. Но при всем сходстве обоих взглядов и их очевидных общих корнях Победоносцев высвечивал именно социальное содержание конфликта бюрократического и народного, в то время как славянофилы — главным образом культурное. Наконец, нельзя не отметить скрупулезно собранные и систематизированные автором зарубежные истоки консерватизма Победоносцева — сочинения его европейских современников, в которых критиковалась утверждавшаяся на Западе демократическая электоральная традиция, в той или иной мере отвергался эгалитаризм и содержались призывы к политической реставрации. Однако, как свидетельствует А. Ю. Полунов, столь глубокое — и потому совершенно нетипичное для его отечественных единомышленников — погружение в наработки западных консервативных мыслителей принесло Победоносцеву больше вреда, чем пользы. «Переводя» европейский опыт на язык современных ему российских реалий, он неизбежно упрощал окружающую действительность.

Без преувеличения кульминационной и наиболее значимой можно назвать третью главу монографии, в которой разбирается политическая роль Победоносцева как одного из ключевых политических деятелей последних лет правления Александра II и всего периода царствования Александра III. Можно даже сказать, что эта глава обречена на то, чтобы оказаться ключевой для всей книги — очевидно, что переосмысление феномена Победоносцева должно прежде всего заключаться в выявлении его особенностей именно как государственного человека, а значит сводиться к новому прочтению биографии героя в конце 1870-х — конце 1880-х гг. Сразу следует заметить, что А. Ю. Полунов выполнил названную задачу в высшей степени профессионально. Образ Победоносцева восстанавливается автором в результате максимально полной и подробной реконструкции пространства личных, общественных, должностных, придворных, политических и иных коммуникаций обер-прокурора. Благодаря такому подходу, исследователю удается доказать несостоятельность историографического мифа о «квазипремьерстве» Победоносцева при Александре III, уточнить

представление о подлинной — значимой, но отнюдь не основной — роли главы Синода в разработке и проведении политики контрреформ, в полной мере воссоздать его политическую и личностную особость. Последнее из перечисленных авторских достижений заслуживает отдельного внимания. А. Ю. Полунов представляет Победоносцева совершенно нетипичным и даже уникальным государственным деятелем, кардинально отличавшимся от современников цельностью, последовательностью, верностью раз и навсегда выбранным идеалам, не по возрасту юношеским, иступленным максимализмом — то есть тем, что можно назвать политическим подвижничеством и неконъюнктурным поведением. (Что, однако же, не мешало ему быть одним из наиболее виртуозных закулисных манипуляторов.) Очень жаль, что исследователь не использовал в книге приведенную в одной из своих более ранних работ о Победоносцеве чрезвычайно важную для его характеристики цитату — слова, сказанные в адрес обер-прокурора М. Т. Лорис-Меликовым: «Вы оригинально честный человек и требуете невозможного»¹. Эта оценка предельно метко характеризует Победоносцева как человека, которому — в отличие от его окружения и, кстати, того же Лорис-Меликова — не был присущ цинизм. Может быть, А. Ю. Полунову как доскональному знатоку фактической канвы биографии Победоносцева стоило бы подумать над тем, не являлось ли специфическое поведение обер-прокурора (границившая с юродством склонность к демонстративному кликушеству и показным причитаниям) своеобразной маской, призванной защитить его отторгавшую цинизм природу от уязвленного таким пороком окружения? Во всяком случае автору удалось продемонстрировать очевидную взаимосвязь между указанными морально-нравственными принципами Победоносцева, а также обусловленным этими принципами специфическим поведением и положением фактического изгоя, чужого среди своих, в которого превратился обер-прокурор примерно в середине 1880-х и каким оставался вплоть до своей кончины.

В четвертой главе разбирается ведомственный аспект государственной деятельности Победоносцева — его пребывание на посту обер-прокурора. А. Ю. Полунов констатирует несомненные успехи Победоносцева на этом поприще, в частности улучшение материального положения клира, оживление издательской деятельности Церкви, преодоление проявлений начетничества в служении белого духовенства на приходах, укрепление положения архиереев в Церкви и обществе в целом. Впечатляют и усилия Победоносцева по организации 17 церковно-исторических юбилейных торжеств — подобная активность не была свойственна ни одному из предшественников и преемников главы Синода. При всей официозности этих юбилеев нельзя недооценивать степень их воспитательного воздействия даже на грамотное и образованное общество, не говоря уже о простом народе. Однако свойственные обер-прокурору мелочная опека епископата и пристальный контроль за духовно-учебными заведениями, которые и без того все более превращались в очаги протестных настроений, усиливали недовольство Победоносцевым со стороны и церковного руководства, и церковных школ, стремительно усиливавших свое воздействие на формирование

¹ Цит. по: *Полунов А. Ю.* Константин Петрович Победоносцев — человек и политик // Отечественная история. 1998. № 1. С. 47.

корпоративного общественного мнения. Обер-прокурор отплачивал подчиненным той же монетой. По иронии судьбы Победоносцев, некогда ратовавший за преодоление чрезмерного ведомственного бюрократизма, сам превратился в его активного насадителя и проводника. Материал главы подводит к однозначному выводу — именно при Победоносцеве и даже несмотря на, хотя и частные, но вместе с тем чрезвычайно значимые, улучшения в жизни и деятельности его подчиненных кризис синодального управления Церковью проявился с наибольшей за всю предшествовавшую историю силой. Поэтому ситуация, когда отставки Победоносцева с поста главы Синода чаяли прежде всего главные архиереи, что проявилось, например, после кончины Александра III и воцарения Николая II, выглядит совершенно естественной. Еще более провальной оказалась политика обер-прокурора по ослаблению влияния инославных конфессий на территории империи. Она осуществлялась отнюдь не полемическими и прозелитскими методами и сводилась к примитивным репрессивным мерам при содействии местной администрации. По прочтении главы возникает закономерный вопрос: как и из-за чего специфический, но вместе с тем, бесспорно, опиравшийся на немалые знания и личную выношенную убежденность консерватизм Победоносцева выродился в примитивное охранительство, продемонстрированное им на должности обер-прокурора? Понятно, что этот вопрос относится скорее даже не столько к персоне, которой посвящена книга, сколько в принципе к историческим судьбам русского консерватизма — особенно когда он поступал на государственную службу и при этом не мимикрировал под доминировавшую в чиновничьей среде меркантильно-конъюнктурную внеидеологичность. Хочется надеяться, что автор поразмыслит над этой проблемой в своих последующих исследованиях, и поиск ответа на указанный вопрос можно будет начать как раз с примера Победоносцева.

Если третью главу книги справедливо считать кульминационной, то пятую главу, посвященную последним 20 годам жизни Победоносцева, можно назвать наиболее аналитической. А. Ю. Полунов здесь минимизирует (причем часто неоправданно игнорируя собственные же ценные находки, опубликованные в прежних работах) изложение фактической канвы жизнедеятельности обер-прокурора. Вместо этого автор сосредотачивается главным образом на сохраняющихся в историографии политической истории России конца XIX — начала XX в. проблемных узлах, излагая собственное их понимание на основе политической биографии своего героя. Среди этих узлов, например, проявившиеся на рубеже 1880-х и 1890-х гг. разногласия в правительственном лагере по поводу дальнейшего политического курса. Через перемены в положении Победоносцева автор выходит и на такую значимую для понимания эпохи проблему, как усиление именно бюрократического характера самодержавия после воцарения Николая II и возникновение новых взаимных симпатий и антипатий в министерском окружении государя. По аналогии с известной фигурой эпохи войны Алой и Белой роз Победоносцева в начале царствования последнего российского императора можно назвать «делателем министров» — и это еще один рассматриваемый в главе вопрос. Наконец, при разборе нового — и уже окончательного, хотя и оформившегося в виде кадрового решения лишь осенью 1905 г., — оттор-

жения обер-прокурора от возможности влиять на реальную политику исследователь вплотную подходит к проблеме превращения латентного конституционализма высшей бюрократии в ее безальтернативную корпоративную идеологию. Исследователь концентрируется на обосновании собственных интерпретаций перечисленных вопросов. При этом автор подчас даже не делает должных акцентов на тех аргументированных, подтверждаемых вводимыми им источниками выводах, которые существенно развивают, уточняют и исправляют мнения его предшественников, например С. Л. Фирсова и Р. Ш. Ганелина. Чрезвычайно интересен раздел главы, где А. Ю. Полунов рассматривает те механизмы воздействия на общественное мнение, к которым прибегал Победоносцев на закате политической карьеры. Впечатляют активность, неумность и даже страстность, с какими пытался действовать на этом поприще человек, разменявший восьмой десяток! Может быть, секрет его политического долголетия и феноменальной жизнеспособности, умения оставаться на плаву, даже превратившись в очередной раз в изгоя, также следует объяснять нетипичностью этого государственного деятеля, с завидным упорством и упрямством добивавшегося разрушения либерального Карфагена? Современники часто видят свою эпоху в кривом зеркале. «Творческое бессилие» Победоносцева — это не его изъян, а исторически предопределенный удел консерватизма, отторгавшегося правительственным латентным конституционализмом, который все более превращался в единственного и безраздельного властителя, направлявшего по собственному разумению реальный политический процесс. И — что в условиях самодержавной России было совершенно закономерным — готовившегося к сдаче режима в руки дремучей народной стихии.

После выхода книги А. Ю. Полунова тема Победоносцева в формате политической биографии может считаться закрытой и одновременно переходящей на более высокие и многоплановые уровни осмысления.

Д. А. Андреев